

DIE WELT DER SLAVEN

INTERNATIONALE HALBJAHRESSCHRIFT
FÜR SLAVISTIK

Jahrgang LVII
Heft 1

Schwerpunkt

Literatur und Philosophie
in wechselseitiger Kritik

Тематический фокус

Взаимокритика
литературы и философии

2012

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN - BERLIN

DIE WELT DER SLAVEN

INTERNATIONALE HALBJAHRESSCHRIFT FÜR SLAVISTIK

Herausgegeben von

Peter Rehder (München) und Igor Smirnov (Konstanz)

Beirat: Raoul Eshelman • Erika Greber† • Rainer Grübel • Wolfgang Hock
Sebastian Kempgen • Aleksandr Lavrov • Volkmar Lehmann • Olga Matich • Wolf Schmid
Ulrich Schweiher • Barbara Sonnenhauser • Klaus Steinke • Michael Wachtel • Anna Zalozniak

Jahrgang LVII (2012), Heft 1

(Erscheinungsdatum: 2. Januar 2012)

Inhalt

I. Artikel

Schwerpunkt: Literatur und Philosophie in wechselseitiger Kritik
Тематический фокус: Взаимокритика литературы и философии

- Grigor'eva, Nadežda, Schamma Schahadat, Irina Wutsdorff: Zum
Schwerpunkt: Literatur und Philosophie in wechselseitiger Kritik 1
- Артемьева, Татьяна: «Метафизическое стихами». Философия в
России XVIII века между метафорой и понятием 4
- Гончарова, Ольга: «Жил на свете некий Пушкин ...». Русская литерату-
ра в утилитарном прочтении 20
- Wutsdorff, Irina: Philosophie versus Literatur. Zum Ringen des späten Tol-
stoj mit dem Medium der Wortkunst 32
- Корчинский, Анатолий: Русский нигилизм и кризис художественной
репрезентации: Литература и философия в 1880-е годы 45
- Демин, Максим: Писатель как философ. Философская рефлексия над
русской литературой в конце XIX – начале XX вв. 59
- Жеребин, Алексей: Философские и мальчишеские мысли. (О стихотворе-
нии А. Блока «Сажу за ширмой ...») 79
- Грюбель, Райнер: Литература философии против философии литера-
туры. Философская критика литературы и литературная критика фи-
лософии в позднем творчестве Василия Розанова 98
- Григорьева, Надежда: Литература социализма в контексте антрополо-
гических учений 112
-
- Dobrovol'skij, Dmitrij, Ludmila Pöppel: Lexical semantics and official pro-
paganda: *революция, восстание, переворот* 134
- Brang, Peter: L.N. Tolstoj, J.-M. Guyau und die Ansteckungstheorie 146
- Hansen, Julie: Memory unleashed by Perestroika. Olga Grushin's "The
Dream Life of Sukhanov" 161

Fortsetzung vorletzte Umschlagseite

Einsendung von Artikeln

(bitte Typoskriptregeln anfordern) bzw. von Rezensionsexemplaren an die Herausgeber:
Prof. P. Rehder, Universität München, D-80539 München (Rehder@lrz.uni-muenchen.de)
Prof. I. Smirnov, Universität Konstanz, D-78464 Konstanz (Igor.Smirnov@uni-konstanz.de).

Eine Verpflichtung zur Besprechung oder Rücksendung zugesandter Bücher kann nicht
übernommen werden. Rezensionen nur nach Rücksprache mit den Herausgebern.

Inhaltsverzeichnisse der Jahrgänge XLI (1996) mit LVII, 1 (2012) als pdf unter:
http://www.slavistik.uni-muenchen.de/forschung/publikation/welt_der_slaven/index.html

ISSN 0043-2520

© 2012 by Verlag Otto Sagner, München – Berlin

Gesetzt aus der Campus Garamond von MacCampus

Druck- und Bindearbeiten: Strauss GmbH, 69509 Mörlingen

Alle Rechte vorbehalten • Gedruckt auf alterungsbeständigem Papier

II. Rezensionen

Moser, Michael: Władysław Łubaś, <i>Polityka językowa</i> . Opole 2009	178
Radünzel, Claudia: Ludmila Pöppel, <i>The rhetoric of Pravda editorials: A diachronic study of a political genre</i> . Stockholm 2007	184
Мних, Роман: К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин (ред.), <i>Вячеслав Иванов. Исследования и материалы</i> . Выпуск 1. Санкт-Петербург 2010 ...	189
Hansen, Björn: Tanja Anstatt, Boris Norman (Hrsg.), <i>Die slavischen Sprachen im Lichte der kognitiven Linguistik</i> . Wiesbaden 2010	194
Bei der Redaktion eingegangene Publikationen (Rezensionsexemplare)	199

Neu im Verlag Otto Sagner:

Andrii Danylenko · Serhii Vakulenko (eds.)

Studien zu Sprache, Literatur und Kultur bei den Slaven

Gedenkschrift für George Y. Shevelov
aus Anlass seines 100. Geburtstages und 10. Todestages
2011, ca. 556 p.

The Gedenkschrift commemorates George Y. Shevelov (1908-2002), the prominent Ukrainian Slavist of the 20th c. His research covered a vast range of themes in the broad field of Slavic linguistics and especially within the more specific one of Ukrainian studies, concerning language, literature, and culture. Comprised of a linguistic section together with that devoted to literary and cultural studies, the book is aimed to match the versatility of Shevelov's scholarly interests. To do justice both to Shevelov's original Ukrainian intellectual background and to the international dimension of his output, thirty-one scholars from all over the world contributed to this volume. Among them, to name a few, Henning Andersen (US), Jurij Barabaš (Russia), Juliane Besters-Dilger (Germany), Pietro Dini (Italy), Jan Fellerer (Great Britain), Michael Flier (US), Tamara Hundorova (Ukraine), Claire Lefevre (France), Michael Moser (Austria), Motoki Nomachi (Japan), Robert Orr (Canada), Paul Wexler (Israel), Björn Wiemer (Germany), and Sjarhej Zaprudski (Belarus). – The contributions are in Belarusian, English, French, German, Italian, Russian, and Ukrainian. (Die Welt der Slaven. Sammelbände • Сборники. 42.)

Walter Breu · Giovanni Piccoli

Südslavisch unter romanischem Dach

Die Moliseslaven in Geschichte und Gegenwart
im Spiegel ihrer Sprache

Teil I: Texte gesprochener Sprache aus Acquaviva Collecroce
2011, XXII, 384 S.

Das Moliseslavische ist eine stark vom Aussterben bedrohte slavische Varietät in der süditalienischen Region Molise. Das auf drei Bände konzipierte Werk mit transkribierten, italienisch und deutsch übersetzten sowie wissenschaftlich kommentierten Tonaufnahmen wird einen umfassenden Überblick über diese südslavische Mikrosprache mit ihren drei Dialekten ermöglichen. Außerdem erlaubt es einen Einblick in die Alltagskultur und Erlebnisswelt der Moliseslaven in Vergangenheit und Gegenwart. Zunächst werden ausschließlich Texte gesprochener Sprache aus dem Hauptort Acquaviva Collecroce vorgelegt, denen sich im Teil II weitere Aufnahmen aus allen drei Dörfern anschließen. Teil III ist den sprachwissenschaftlichen Kommentaren und soziokulturellen Erläuterungen gewidmet, enthält daneben aber insbesondere auch umfangreiche Beispiele aus der jüngst entstandenen moliseslavischen Literatur. (Sagners Slavistische Sammlung. 32.)

ПИСАТЕЛЬ КАК ФИЛОСОФ

Философская рефлексия над русской литературой в конце XIX – начале XX вв.

Русская художественная литература – философская *par excellence*. В лице своих титанов – Толстого и Достоевского – она высоко подняла задачи и обязанности художественного творчества, сделав своей главной темой самые глубокие и основные проблемы человеческой жизни и духа. Дух этих исполинов господствует в нашей литературе, подобно гигантским маякам, указывая ей путь и достойные ее задачи, и ничто жизненное и жизнеспособное в ней не может избежать этого влияния. Чехов является достойным выразителем этих лучших традиций нашей литературы, многое роднит его с обоими ее корифеями, и после них он является писателем наибольшего философского значения –

утверждал Сергей Булгаков (1993, 136) на публичной лекции «Чехов как мыслитель», прочитанной в Ялте и Санкт-Петербурге в 1904 году. Кажется, что определение русской литературы как по преимуществу философской является тонким наблюдением молодого интеллектуала. И действительно, многие из русских литераторов второй половины XIX века демонстрировали чуткость к традиционно философским вопросам. Дефиниция русской литературы как философской имплицитно содержит характеристику и самой русской философии, в многочисленных историях которой значительное место занимают авторы, известные, прежде всего, по своим литературным сочинениям¹. Антисциентизм, эстетизация философского познания, внимание к художественному творчеству – общее место в описании философии в России конца XIX – начала XX вв.

Каков статус суждения Сергея Булгакова? Является ли оно оценкой литературного критика, выражает ли позицию философствующего писателя или Булгаков говорит от имени сообщества профессиональных философов? Представляя Чехова мыслителем, Булгаков явно приписывает писателю не свойственное ему качество. Собственно, на это указывает и сам автор работы, посчитав нужным оговориться, что «постановка вопроса, тема «Чехов как мыслитель» для многих, вероятно, звучит парадоксально» (Булгаков 1993, 134). Традиция посвящать статью известному литератору, через союз «как» указывая на явно необычную для этой персоны характеристику, широко распространяется в философской литературе рубежа XIX – XX вв. Именно на это время приходится всплеск интереса профессио-

¹ Среди многочисленных изданий по истории русской философии стоит выделить написанную в конце 1940-х годов в Париже работу Зеньковского (Зеньковский 1991) и постсоветский учебник под редакцией Маслина (Маслин 2008). Подробнее об описании истории русской философии см.: DeBlasio 2011.

социальных интенций новой дисциплины является работа Георга Готфрида Гервинуса «История национальной поэтической литературы немцев» (1835/42). В противовес господствовавшему до него биографическому методу и в соответствии со своим пониманием исторического процесса он рассматривает литературу не как самостоятельную область, а как часть общественно-политической и культурной жизни нации. При этом история немецкой литературы понимается как история немецкого духа, развивающегося замкнутыми в себе фазами, а писатели, наиболее полно выражающие эпоху, и более того, во многом формирующие ее, описываются как составляющие культурный канон нации.

Методологическое сближение истории литературы и истории философии усиливало значение философских построений для анализа литературы. Именно в историко-литературных исследованиях 1840-1860-х гг. в качестве теоретической установки актуализировалась философская концепция Гегеля (Ansel 2003). Универсалистская философская модель позволяла легко преодолевать дисциплинарные границы, работать за существующими институциональными рамками. Многие из инициаторов создания нового тематического поля, инспирированного гегелевской философией, приходили из других отраслей знания. В частности, Георг Гервинус был профессиональным историком, ученик Гегеля Рудольф Гайм совмещал историко-литературные штудии с историко-философскими исследованиями, Роберт Пруц пришел в историю литературы из классической филологии. В ряд литературоведов «по второму призванию» можно включить и представителя молодого поколения Вильгельма Дильтея. Предметно и тематически обновленное литературоведение, в свою очередь, активно вырабатывает методы, соответствующие общепринятым научным стандартам, и получает институциональное оформление в виде открывающихся при университетах кафедр (Meves 2011).

Превращение истории литературы в самостоятельную и социально востребованную исследовательскую область рикошетом отразилось на историко-философских исследованиях. В 1870-е годы метафорика, выработанная для историко-литературных описаний, начинает интенсивно использоваться и для описания немецкой философии, а представители немецкого идеализма сравниваются с канонизированными немецкими писателями. Утверждения, постулирующие гармонию между философскими и поэтическими достижениями немецкой культуры начала XIX века, разбросаны по многочисленным историко-философским исследованиям бисмарковской Германии. В качестве одного из них можно привести юбилейную риторiku гегельянца Карла Розенкранца, к столетию со дня рождения своего учителя издавшего брошюру под названием «Гегель как национальный философ» (Rosenkranz 1870). Прибегая к метафорам «Богов Греции» Шиллера, Розенкранц изображает философский и литературный процессы как процессы параллельные. Благодаря та-

кой стилизации список великих немецких философов значительно сокращается, а их роль становится более значимой.

Влияние немецкого идеализма, прямое обращение к философским темам и даже сочинительство в области истории философии – все это бросается в глаза в творчестве такой знаковой для становления литературоведения во Франции фигуры, как Ипполит Тэн. Как убедительно показал Кристоф Шарль, успех первого «всеобъемлющего интеллектуала» основывался «на совмещении нескольких обычно изолированных ролей и на импорте приемов мастерства из одной области в другую» (Шарль 2005, 186)⁶.

С апелляции к западному институциональному контексту начинается становление историко-литературных исследований в России. Так, например, Александр Веселовский в лекции «О методе и задачах истории литературы как науки», прочитанной при вступлении на должность в Петербургском университете в 1870 году, подчеркивает дисциплинарную новизну планируемого им курса. При этом Веселовский противопоставляет немецкий опыт организации изучения и преподавания истории всеобщей литературы на кафедрах романской и германской филологии французской традиции. Согласно его мнению, на французских кафедрах в качестве предмета исследования избирается целая эпоха, отдельные представители которой обрисовываются как ее олицетворяющие. Веселовский подвергает критике такую, прочитанную в духе гегелевской традиции, историю литературы, так как в этом случае исследовательская методология не соответствует научным стандартам. Однако, несмотря на стремление дистанцироваться от философских спекуляций, ратуя за специализацию историко-литературных исследований, Веселовский признает общественную, пропедевтическую значимость «философского» метода:

При всех недостатках подобного изложения истории литературы, характеризующего французскую школу, оно представляет и громадные преимущества. Именно это изложение предоставляет все более места тому, что мы можем назвать материалом общего образования: широким историческим взглядам, характеристике культуры, философским обобщениям исторического развития. Только в научной состоятельности этих обобщений мы склонны иной раз усомниться (Веселовский 1989, 35).

Сомнений Веселовского в научной состоятельности широких обобщений не разделял представитель так называемой культурно-исторической школы А.Н. Пыпин⁷. Методологические установки ученого

⁶ О содержательных аспектах литературной и философской теории Тэна см.: Kahn 1953.

⁷ Модель деления академического литературоведения второй половины XIX в. на «мифологическую», «культурно-историческую», «сравнительно-историческую» и «психологическую» школы находим в: Николаев 1975, 3-15. О методологической ограниченности этой классификации см.: Byford 2007, 1-14.

нашли отражение в четырехтомной «Истории русской литературы» (1898-1899). По мнению Пыпина, смысловой центр истории русской литературы составляет творчество Пушкина и Гоголя. Поэтому почти полувековой период развития литературы, последовавший за временем творческого расцвета Гоголя вплоть до выхода в свет последнего тома «Истории», остался практически неисследованным. Последняя глава, освещающая современный Пыпину этап развития литературы как период «после Гоголя», состояла из одного параграфа с характерным названием: «Дальнейшее развитие русской литературы на основе положенных Пушкиным и Гоголем в новом поколении литературных сил и в новых условиях образования и общественной» (Пыпин 1899).

Пример «Истории» Пыпина показывает, что для исследователей литературы, сохраняющих, по сути, приверженность гегелевской традиции и понимающих историю литературы как последовательную смену значимых этапов, наибольшую сложность представляла периодизация и классификации современного им литературного процесса. Об этом свидетельствует, например, исследование А.Д. Галахова. Вопреки заголовку «История русской словесности, древней и новой» Галахов заканчивает свое изложение периодом от Карамзина до Пушкина (Галахов 1880).

В то же время в рамках работ, связанных с преподавательской практикой в средних учебных заведениях, авторы демонстрировали большую восприимчивость к литературным новинкам. Нередко в школьные хрестоматии новые имена попадали прямо со страниц толстых журналов. В частности, это можно сказать о рекомендованном Министерством народного просвещения учебнике для школ и гимназий «Русская хрестоматия» того же А.Д. Галахова, выдержавшая 33 издания за период с 1842 по 1910 гг. Например, в переиздание 1887 года в раздел «повести и проза» были включены отрывки из романов 1850-х годов, авторы которых еще не прекратили активной литературной деятельности. Прописку в школьной программе получили Гончаров с «Обломовым», Тургенев как автор «Рудина» и «Дворянского гнезда», Толстой с отрывком из «Отрочества» (Галахов 1887). Такая подвижность литературного канона была связана с особенностью организации «хрестоматий», классифицирующих произведения по жанру. Характеризуемые в хрестоматиях тексты, прежде всего, должны были репрезентировать жанр, и поэтому их отбор не был продиктован необходимостью следовать принципу преемственности или иерархического порядка.

В начале XX века включение современности в историческое описание литературы, ориентированное на школьную аудиторию, получает широкое распространение. Любопытна аргументация, представленная в предисловии к учебному пособию для 8 класса гимназий и реальных училищ «Русская литература после Гоголя в биографиях и характеристиках». Автор пособия прямо ссылается на циркуляр

№1903 Министра народного просвещения о расширении курса русской словесности за счет писателей второй половины XIX века. Это распоряжение, по признанию автора, явилось причиной того, что он «несмотря на всю трудность первой попытки, решился предложить учащимся вышеуказанное пособие, включив в него биографии и характеристики [...] Тургенева, Гончарова, Островского, А. Майкова, гр. А. Толстого, Тютчева и Фета» (Сальников 1906, I).

Таким образом, сравнение двух видов продукции историков литературы – академических исследований и разного типа учебников и учебных пособий – показывает, что исследовательская работа основывалась на сохранении значительной дистанции между литературным процессом, подлежащим историко-литературному описанию, и пространством актуальной литературы. Такое «отставание» академического литературоведения можно объяснить отсутствием концептуальных моделей, позволяющих нейтрализовать дискуссионную остроту ближайших литературных явлений. В целом же наличие устойчивых моделей описания, тематическое и жанровое деление литературы, дифференциация методологических установок, вполне сопоставимая со стандартами западноевропейских университетов, позволяют говорить о том, что историко-литературные исследования достигли в России стадии институционализации. Однако, в отличие от Германии, где философия оказала существенное влияние на становление литературоведческих практик, присутствие философских моделей в российских историко-литературных описаниях 1860 – 1890-х годов почти не заметно.

Владимир Соловьев и судьбы русских писателей

Низкая оценка эвристической значимости философских построений, особенно заметная на фоне высокого авторитета академических исследований в области истории русской литературы, может быть объяснена особенностями институциональной динамики философских наук в российских университетах. Десятилетний запрет на преподавание философии в университетах, действовавший с 1850-х по 1860-е годы, привел к почти полному уничтожению специальности⁸. Запрет на профессию тяжело сказался на состоянии философского знания. Представители первого поколения вновь открытой для преподавания дисциплины рекрутировались из духовных академий и направлялись на продолжительную стажировку в немецкие университеты. Несмотря на усилия по восстановлению философии в университетах, стабилизация базовых институциональных норм происходит только к 1880-м годам, когда на академическую арену выходит второе поко-

⁸ В университетских программах были оставлены только логика и психология. Однако читать эти дисциплины могли только профессора богословия по соглашению духовного православного ведомства с Министерством народного просвещения. Подробнее см.: Пустарнаков 2003, 156-162.

ление философов, получившее российское университетское образование.

Неестественная молодость университетской философии требовала дополнительных усилий по выработке профессиональных конвенций в области общенаучных стандартов, риторических и поведенческих стратегий. Включение в тематический репертуар философии актуальной литературы можно рассматривать как стремление университетских философов повысить социальный статус своего знания. Экспансия философии в смежную область проходит сложный путь развития, связанного со становлением интеллектуальных стратегий, на первый взгляд, отрицающих университетскую модель производства философского знания.

Владимир Соловьев – религиозный мыслитель и аскет – кажется персоной, чьи интеллектуальные интересы далеки от процессов, проходящих в университетской философии. Именно он первым из философов начинает проявлять интерес к такой нетрадиционной для академического философского канона теме как литературное творчество. Недавние исследования показали, что, вопреки кажущейся изолированности Соловьева от современного ему общества, философ был интегрирован в него и обладал значительной символической властью (Schrooyen 2006). Понимание того, как обращение к русской литературе встроено в авторскую стратегию Соловьева, обеспечившую его прижизненное признание в качестве главного русского философа, позволит раскрыть особенности тематизации литературы в кругах профессиональных философов на рубеже XIX – XX веков.

Обращение Соловьева к литературе происходит на фоне резкого изменения у него обычной карьерной траектории, начавшейся, по академическим нормам, беспрецедентно рано. Защита и последующая публикация магистерской диссертации «Кризис западной философии» двадцатидвухлетним сыном известного историка и в то время ректора Московского университета Сергея Соловьева вызывает в академическом сообществе большой резонанс. Высокий уровень работы обеспечивает новоиспеченному ученому место штатного доцента в его alma mater – Московском университете. Однако, проработав в Москве лишь год, Соловьев переводится в столицу. Помимо преподавательской деятельности в Санкт-Петербургском университете, молодой философ получает должность члена Ученого комитета при Министерстве народного просвещения. В это время Соловьев работает над второй диссертацией и, согласно распространенной практике, уезжает на стажировку в Европу.

6 апреля 1880 года, спустя 6 лет после блестящей защиты в Москве, Соловьев защищает в Санкт-Петербургском университете докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». Однако после защиты академическая карьера доктора философии не задается. Сверхштатный ординарный профессор М.И. Владиславлев, выступавший на защите оппонентом, отказывает Соловьеву в должности

профессора. Молодой философ надеется на вакантное профессорское место в Москве, но и тут его постигает неудача – на кафедру Московского университета избирается сторонник английской философии и психологических исследований, Матвей Троицкий, автор двухтомника «Немецкая психология в текущем столетии», представляющий собой одну из ключевых фигур академической философии России. В переписке с другом и организатором Высших женских курсов К.Н. Бестужевым-Рюмином Соловьев упоминает, что декан Одесского университета предлагает ему ординатуру по философии (Мочульский 1936). Но, по-видимому, место профессора в Одесском университете не соответствовало амбициям философа. Соловьев остается в Петербурге.

После тяжело переживаемой академической неудачи Соловьев, которому рамки университетского преподавания кажутся все более и более тесными, избирает иную стратегию поведения. Лекции философа перестают носить сугубо академический, научный характер, все более становясь похожими на публичные проповеди и привлекая к себе пристальное общественное внимание. В противоположность скучным московским лекциям 1870-х годов, лекции-проповеди в Санкт-Петербурге притягивают студентов эпатажной полемичностью⁹. Их апофеозом становятся мартовские чтения 1880 года, в центре которых оказывается убийство революционерами-народовольцами Александра II. Разбуженное совершенным терактом петербургское общество хочет услышать оценку молодого философа, и он не обманывает надежды слушателей. Сначала на Высших женских курсах, а потом и на публичных лекциях, устраиваемых в зале общих собраний Кредитного общества, Соловьев призывает в знак христианского всепрощения отменить смертный приговор для цареубийц. После лекции 28 марта, которая, по некоторым утверждениям, собрала до восьмисот слушателей (Мочульский 1936) и напоминала скорее митинг, Соловьеву запрещают публичные выступления. И хотя он не был лишен права *ius legendi*, то есть чтения академических лекций, Соловьев завершает преподавание и подает прошение об отставке со всех занимаемых должностей.

Скандалный уход из академического сообщества предполагал радикальную смену интеллектуальной стратегии, что означало обновление тематического репертуара философа. Поиск иной авторитетной традиции, способной легитимировать инновативные замыслы, приводит Соловьева к художественной литературе. Результатом этого становятся «Три речи в память Достоевского», две из них публикуются сначала в журналах «Новое время» и «Русь», а затем все три печатаются в 1883 г. отдельной брошюрой в типографии Московского университета. Показательно, что обращение к литературе по-

⁹ Подробнее подборку воспоминаний о преподавательской деятельности Соловьева см.: Книга о Владимире Соловьеве 1991.

звolyет использовать элементы университетской инфраструктуры, символически возвращая философа в лоно академической науки.

Жанр «речи», являясь, по сути, публицистическим, не предполагал специальных аналитических процедур. Тексты Соловьева о Достоевском не содержат текстологического и литературоведческого анализа, что подчеркивал сам автор:

В трех речах о Достоевском я не занимаюсь ни его личной жизнью, ни литературной критикой его произведений. Я имею в виду только один вопрос: чему служил Достоевский, какая идея вдохновляла всю его деятельность? (Соловьев 1884, 3)¹⁰.

Цель «Речей» Соловьева – выявление и интерпретация жизнестроительного проекта Достоевского. В «Речах» Соловьев в нескольких местах дает характеристики Достоевскому, который предстает то «религиозным человеком», «вполне свободным мыслителем и могучим художником», то является «и мистиком, и гуманистом, и натуралистом». Не сложно заметить, что философ элиминирует значение Достоевского как писателя и что характеристики писателя скорее представляют проекцию желаемой роли самого автора «Речей». Литературная деятельность, по версии Соловьева, оказывается дополнением, а вернее, следствием интеллектуальной позиции Достоевского. Приписывая ему роль «свободного мыслителя», Соловьев заявляет о своем праве на интерпретацию идей писателя:

Он не оставил никакой теории, никакой системы, никакого плана или проекта. Но руководящее начало и цель, высшая общественная задача и идея были поставлены им на небывалую высоту. Стыдно будет русскому обществу, если оно сведет свою общественную идею с этой высоты и подменит великое общее дело своими мелкими профессиональными и сословными интересами под разными громкими именами (Соловьев 1884, 3).

Предлагаемая Соловьевым интерпретация призвания Достоевского нацелена на присвоение символического капитала писателя. Имплицитно объясняя свой отказ от академической карьеры как отказ от «мелких профессиональных интересов», Соловьев претендует на построение теории, системы, плана и проекта великого дела. О серьезности его намерения должно было свидетельствовать размещение на последней странице первого издания «Речей» анонса нового сочинения Соловьева «Религиозные основы жизни».

¹⁰ Любопытно заметить, что риторика «дела и служения» повторяет описание назначения философа, предпринятое Соловьевым в лекции «Исторические дела философии»: «Так вот, если кто из вас захочет посвятить себя философии, пусть он служит ей смело и с достоинством, не пугаясь ни туманов метафизики, ни даже бездны мистицизма: пусть он не стыдится своего свободного служения и не умяляет его, пусть он знает, что, занимаясь философией, он занимается делом хорошим, делом великим и для всего мира полезным» (Соловьев 1988, 125).

Таким образом, отказавшись от возможности пропагандировать *ex cathedra*, Соловьев начинает выступления с «печатной трибуны». Нельзя не отметить чуткое Соловьева на риторические инновации. Используемый им формат «речей», текстов, приуроченных к памятным датам и юбилеям, – жанр, только набирающий к тому времени популярность. Траурно-торжественный стиль ритуального поминовения умершего писателя отсылает к известной пушкинской речи Достоевского, произнесенной на открытии памятника поэту. Такая преемственность находит подтверждение в самом тексте, где Соловьев прямо ссылается на речь Достоевского, посвященную Пушкину.

Обращение к литературе, а вернее к истории литературы, позволяет философу не только подтвердить свои теоретические построения примерами из реальных художественных практик, но и говорить от лица национальной традиции. В эту интерпретационную модель укладывается и его последующее обращение к другим писателям, к Пушкину и Лермонтову, биографии которых, как и поступки их литературных персонажей, Соловьев излагает в терминах собственного философского проекта¹¹. Более того, судьбы писателей оказываются проекциями формируемой Соловьевым собственной интеллектуально-поведенческой стратегии. Создание вокруг своих теоретических построений претендующей на научную значимость системы интерпретаций классиков делает легитимным особенное, свободное от «узкопрофессиональных интересов» положение мыслителя в академическом сообществе. Независимо от того, насколько осознанно выбиралась осуществляемая стратегия, она дает желаемые результаты. Соловьев достигает признания в академической среде, став в январе 1900 года почетным академиком Академии наук по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности с квалификацией «философ, публицист, поэт» (Академия наук СССР. Персональный состав. 1974, 234). Более того, Соловьева после смерти самого начинают сравнивать с теми писателями, на деятельность которых он проецировал свои представления о желаемой роли интеллектуала.

Университетский философ Лев Лопатин в траурной речи на смерть Соловьева уравнивает значение Пушкина для развития национальной литературы и заслуги Соловьева для развития русской философии. Находя параллели, если не в хронологии, то в логике развития литературного и философского процессов, Лопатин указывает на схожую трагичность судьбы своих героев: быть гениальным, быть тем, кто ломает традиционные стереотипы, и оставаться непонятым современниками:

Все же остается справедливым, что Соловьев был первым русским действительно самобытным философом, подобно тому, как Пушкин был

¹¹ Подробнее о Соловьеве как литературном критике см.: Фатющенко 1990, 5-34; Гальцева, Роднянская 1991, 8-29; Асадулаева 2004.

первый русский народный поэт. Пожалуй, это сравнение можно было бы провести и дальше: как Пушкина современники перестали понимать именно с того момента, когда его талант достиг своей полной силы и оригинальности и когда его произведения уже не походили на привычные для всех и общепризнанные образцы, так и Соловьев именно в том, что было наиболее коренного, важного и существенно оригинального в его мирозерцании, оставался непонятым, неоцененным и почти совсем одиноким во всю свою жизнь (Лопатин 1901, 54).

Вопросы литературы и профессионализация философии

«Речи» Соловьева, опубликованные в самом начале 1880-х годов, стали первой работой, в которой наследие писателя использовалось в качестве площадки для укрепления новых областей знания. Несколько лет спустя авторитет Достоевского будет востребован в интересах другой дисциплины – психологии.

Литературным персонажам Достоевского суждено было стать «пациентами» клинического психолога Владимира Чижа, в 1885 году выпустившего книгу «Достоевский как психопатолог». У Чижа герои романов Достоевского представляются отличным материалом для психологических исследований и хорошим поводом продемонстрировать, что «во многих отношениях точные методы изучения психиатров позволяют им более научно исследовать и объяснять материал, даваемый художниками» (Чиж 1885, 2). Вышедшая в год основания Бехтеревым лаборатории при психиатрической клинике в Казани книга Чижа была призвана расширить исследовательские практики, принятые в психологии, одновременно популяризируя дисциплину. Работа Чижа становится одним из первых исследований, открывающих целое направление в психологической литературе, авторы которой – врачи и клинические психологи – берутся ставить диагнозы не только героям повестей и романов, но и их создателям¹².

Рассуждение Соловьева о «философском» деле Достоевского и психологический анализ романов писателя у Чижа – явления более близкие друг другу, чем это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в конце XIX века психология как университетская дисциплина воспринимается как отрасль философского знания и преподается на философских факультетах. Более того, именно на психологические исследования возлагаются надежды по обновлению философского знания¹³. Таким представлением о психологии объясняется тот факт, что первое научное объединение университетских философов, организованное в 1885 году при Московском университете, получает название «Психологическое общество». Члены нового

¹² Подробнее о тематизации психического здоровья (болезни) литературных героев и литераторов в психологических исследованиях см.: Сироткина 2008.

¹³ О полемике вокруг психологических методов в философии и связанных с ней институциональных эффектах на материале немецкой философии см.: Kusch 1995.

общества, в число которых входили и Соловьев, и Чиж, видят свою задачу в утверждении психологии в качестве интегративной дисциплины, ориентированной на координацию исследований в разных областях знания. Именно с обществом и организованным при нем журналом «Вопросы философии и психологии» связано дальнейшее закрепление и развитие литературной тематики как сферы философской компетенции.

Программа основанного Николаем Гротом в 1889 году первого в России регулярного журнала по философии «Вопросы философии и психологии» прямо декларирует свой интерес к вопросам, обсуждаемым в литературных кругах. В редакционной статье, опубликованной в первом номере, Грот констатирует возрастающий интерес общества к вопросам философского характера. Отмечая, что не только профессиональные философы способствуют популяризации философии, Грот утверждает, что потребность в ней стала очевидной благодаря вопросам, поставленным «художником-мыслителем» Львом Толстым (Грот 1889, XIV). Экспертная оценка нового «учения о жизни и нравственных началах человека» – вот что, по мнению Грота, должно помочь актуализировать в обществе профессиональную философию.

Обсуждение религиозно-философских идей в художественных и публицистических произведениях Льва Толстого, действительно, было в центре общественной дискуссии конца XIX века (подробнее об этом см.: Бычков 1978, Бабаева 1978, Козлова 2004). Заявленное намерение обсуждать учение Толстого ставит новый журнал в конкурентное отношение с «Русским богатством». Ежемесячный литературный и научный журнал, выходящий с 1876 года, за период с 1883 по 1891 гг., когда его редактором был Леонид Оболенский, сделал обсуждение философских амбиций писателя одной из своих центральных тем. Серия статей Оболенского о Толстом выходит под одной обложкой «Л.Н. Толстой, его философские и нравственные идеи» в 1887 году. В этой книге Оболенский подчеркивает неправомерность разделения творчества Толстого на художественное и философское. Однако само обсуждение этой проблемы затрагивает более общий вопрос, – вопрос о границе, за которой писательские суждения приобретают не только эстетическую, но и философскую ценность. По мнению Оболенского, философствование вполне допускает два стиля: стиль «философов профессиональных» и стиль «философов-художников». При этом симпатии редактора «Русского богатства» явно не на стороне представителей университетской науки:

Приступая к философским вопросам, как простой человек и художник, желающий для себя самого решить вопросы жизни, он [Толстой, – М.Д.] схватывает в системах не частности, а самую суть (Оболенский 1887, 65).

Главную причину увлечения русских писателей философией автор видит в слабости отечественной университетской философии, не способной адекватно ответить на запрос общества: «Профессиональные философы в этом более виноваты, а не Достоевские и Толстые» (Оболенский 1887, 60). Задача Оболенского не пересказать толстовское учение философским языком, а методом сравнения включить его в контекст мировой истории философии. Представленная Гротом программа журнала «Вопросы философии и психологии» во многом была реакцией на обвинения, выдвинутые в адрес университетских философов; она была продиктована желанием опровергнуть распространявшееся убеждение в том, что занятие философией доступно каждому и не требует специального образования. Осознавая значимость отстаиваемой позиции, Грот принимает непосредственное участие в журнальной полемике с Оболенским. Еще в начале 1880 г. в журнале «Мысль» он публикует эссе под названием «Философия как ветвь искусства», указывая, что причиной публикации стала статья Оболенского по поводу «Критики отвлеченных начал» В.С. Соловьева, опубликованная в том же журнале (N.N. [Оболенский] 1880). Отталкиваясь от суждения оппонента, Грот утверждает, что философия, если из нее исключить психологию, логику, этику и другие философские науки, оказывается сродни поэзии. Декларируя принадлежность философии к искусству, Грот выстраивает иерархию искусств согласно «сложности и непосредственности». Здесь-то и проявляется полемическая заостренность позиции Грота. Умалая права философии на статус особого рода знания, не сводимого ни к науке, ни к художественному творчеству, Грот провозглашает ее самым элитарным видом творческой деятельности. В противоположность эгалитарной позиции университетский преподаватель утверждает, что «понимание философии и наслаждение ее созданиями еще менее доступно и еще более редко. Мир ее идей доступен только избранным» (Грот 1904, 31).

Таких «избранных» и призван был объединить созданный журнал. Помимо Владимира Чижа и Владимира Соловьева, к работе журнала подключается киевский философ, автор книги о религиозной философии Льва Толстого, Алексей Козлов¹⁴. Признанием высокого статуса журнала и избранной им стратегии стала публикация нескольких статей Льва Толстого. Форма журнальной организации была удобна для привлечения новых авторов как маститых, например, Николая Стрхова, так и молодых, среди которых были наиболее

¹⁴ А.А. Козлов публикует в конце 1880-х годов две небольшие книги, посвященные философским взглядам Л.Н. Толстого: «Религия графа Л.Н. Толстого» (Козлов 1888) и «Письма о книге графа Л.Н. Толстого о жизни» (Козлов 1891). Позже обе книги были соединены в одном издании: «Религия графа Л.Н. Толстого, его учение о жизни и любви» (Козлов 1895). Кроме перепечатки журнальных фрагментов своих сочинений Козлов публикует статью «Анализ последнего произведения гр. Л.Н. Толстого: «Хозяин и работник»» (Козлов 1894).

заметны Евгений Бобров и Юлий Айхенвальд. С работы в журнале начинается свою научную деятельность новое поколение интеллектуалов; сферой их последующих научных интересов станет литература и философские сюжеты, с нею связанные.

Несмотря на широкую теоретическую платформу журнал отличается общей установкой на конструирование профессиональной идентичности. Ориентация на профессиональную компетенцию постоянно педалируется авторами журнала. Так, например, Евгений Бобров в рецензии на книгу Козлова «О религии графа Л.Н. Толстого» специально оговаривает, что от другой исследовательской литературы, посвященной писателю, ее отличает высокая научная подготовка профессионального философа (Бобров 1895, 503)¹⁵. Эта оценка соответствует интенции самого автора книги, одной из задач которой было подвести учение Толстого под дисциплинарную кодификацию, принятую в университетской философии (Козлов 1895, 3).

Демонстрацию применимости общенаучных стандартов для анализа знания «непрофессиональных философов» подкрепляет призыв редакции журнала развивать университетскую философию. Главный тезис программной статьи Грота «Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой» состоит в убеждении, что примирить крайности эстетических мировоззрений может только профессиональная философия:

Задача философии нашего времени – понять все великие уроки ближайшего времени, понять Толстого и Ницше и многих других выразителей современного неустойчивого и колеблющегося нравственного сознания человечества (Грот 1893, 154).

Неясную форму изложения идей у Ницше и Достоевского Грот оправдывает кризисом общества, вызванным технологическим ускорением. Эстетические прозрения, однако, следует рационализировать и стабилизировать профессиональным философам. Эффективность выдвигаемого решения должны подтвердить методические процедуры, которые Грот использует для написания статьи. Разбирая и сравнивая философию Ницше и Толстого, он прибегает к обширному цитированию источников в оригинале. Этот жест, призванный вызвать у читателей ассоциацию с работой филолога-классика, дополняется указаниями на вторичную литературу. Процедуры текстуальной верификации и объективации выводов путем отсылки к результатам других исследователей должны демонстрировать оппонентам преимущества отстаиваемой Гротом позиции.

Кроме того, в задачи журнала входит обеспечение коммуникации представителей разных российских университетов внутри дисциплины, а также презентация философии в российском академическом сообществе. Однако «Вопросы философии и психологии» не могли

¹⁵ Расширенная версия анализа интерпретации идей Толстого Козловым содержится в: Бобров 1897.

ограничиваться только установлением внутренней коммуникации. Как главный журнал дисциплины, представляющий науку национального университета, он должен был репрезентировать ее и на международном уровне. Для этих целей философские рефлексии о русской литературе, получившей признание на европейском, прежде всего, французском интеллектуальном рынке¹⁶, оказывались чрезвычайно подходящими. Наиболее ярко эта идея была артикулирована назначенным в 1892 году заведующим кафедрой метафизики и логики Московской духовной Академии Алексеем Введенским. В статье «О задачах современной философии» он постулирует зависимость философских исследований от интенсивности литературного процесса. По мнению Введенского, художественные эпохи, следующие после возрастания религиозных настроений общества, создают условия для национального расцвета философии. Попытка вывести закономерность расцвета «философской производительности» из литературной активности наполнена конкретными ожиданиями. С надеждой смотреть на философскую будущность России позволяет Введенскому появление в России «художников-мыслителей» Гоголя, Достоевского, Толстого. В качестве свидетельства зрелости русской литературы он рассматривает ее признание «всеобщим мнением западных, и особенно французских, критиков» (Введенский 1893, 142)¹⁷.

Парадоксальная апелляция к общеевропейскому контексту в целях провозглашения национального величия хорошо встраивается в представление о профессиональных философах, позиционирующих себя как сообщество, способное конкурировать на интернациональном рынке идей. Связь риторики профессионализма и национальной исключительности звучит в одной из первых статей Сергея Булакова, также опубликованной на страницах «Вопросов философии и психологии». В отличие от Введенского, надеявшегося на будущий расцвет философии, Булаков связывает его с литературным прошлым нации. Написанная в 1901 году работа о литературном герое Достоевского Иване Карамазове опирается на уже имеющуюся традицию осмысления творчества писателя в контексте философских размышлений, заложенную в работах Соловьева и Василия Розанова¹⁸. Важно отметить, что за тематической преемственностью просматривается усиливающаяся детализация выбранной философами темы. Если Соловьев ставил проблему философской значимости всего творческого и жизненного проекта Достоевского, то Розанов и Бердяев работали уже с сюжетами остальных произведений писателя.

¹⁶ О причинах возникновения спроса на русскую литературу во Франции см.: Шарль 2005, 109-134.

¹⁷ Для демонстрации признания русской литературы во Франции Введенский, в частности, ссылается на мнение Эдуарда Рода (Rod 1891).

¹⁸ Первые статьи, вошедшие в книгу Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (Розанов 1894), были опубликованы в «Русском вестнике» в 1891 г.

Ссылаясь на низкий уровень собственно философского образования, Булгаков выстраивает канон философствующих писателей в России:

мы в лице Достоевского и Толстого, даже Тургенева, в меньшей степени и Чехова идем впереди европейской литературы, являясь для нее образцом. Великие сокровища духа скоплены в нашей литературе, и нужно уметь ценить их (Булгаков 1903, 826).

Предложенный Булгаковым подход является развитием идей Грота о назначении профессиональной философии. За уничтожением русской философии скрывается стремление сделать еще более влиятельной университетскую философию, которая узурпирует интерпретацию главных смыслов национальной литературы. Такая тематическая преемственность позволяет говорить об удачной реализации стремления актуализировать общественный интерес к философии за счет рефлексии над русской литературой.

Несмотря на уверенность русских философов в уникальности русской литературы, состоящей в ее философичности, ситуация, когда философы начинают активно осваивать поле литературы, не является уникальной. Траектория отношений между философией и развитием историко-литературных исследований в Германии показывает, что апелляция к национальной литературе характерна и для немецкой философии 1870-х годов. Всплеск интереса к литературе со стороны русских философов тематически и методологически расширил узкое дисциплинарное поле философии 1880-х годов. Тематизация литературы позволила актуализировать профессиональную философию в обществе. Легитимация в качестве академической темы произведений и жизненных проектов целого ряда писателей создала новые пространства конкуренций между профессиональными философами и другими группами интеллектуалов, предлагающими альтернативные стратегии (прежде всего, среди них нужно назвать Василия Розанова и Дмитрия Мережковского). Интерес философов к литературе обогащал не только интерпретационные стратегии в литературоведении, но и косвенно повлиял на кадровое становление дисциплины. Представители молодого поколения, начав свою карьеру с тем, близких к философским, в дальнейшем реализовали себя в исследованиях по истории литературы.

Еще более значимым обращением философов к литературе было для профессионализации самого философского знания в России. Произведения русских писателей оказываются первоисточниками в философских исследованиях, обеспечивая необходимую для научной специальности референцию. Смоделированная как университетская дисциплина философия доказала релевантность общественных ожиданий по формированию национальной идентичности. Присвоение символического капитала русской литературы способствовало формированию собственной идентичности философов. В наиболее ради-

кальном варианте, представленном Николаем Бердяевым, русские литераторы выступают предшественниками русских философов (Бердяев 1905); в академическом варианте Евгения Боброва история русской философии рассматривается в контексте истории литературы (Бобров 1900-1903; 1899-1902). В эффективности созданного в то время образа русской философии можно убедиться и сейчас, открыв любое отечественное изложение истории русской философии. Удачная реализация проекта по профессионализации философии, существенную роль в котором играла тематизация национальной литературы, позволила успешно интегрировать философию в университетскую модель образца конца XIX – начала XX вв. Возможно, именно в этой институциональной приспособленности кроется одна из причин того, что русская религиозная философия конца XIX века нашла свое место в постсоветском университете¹⁹.

Литература

- Аверин, Б., Д. Базанова (сост.). 1991. *Книга о Владимире Соловьеве*. Москва.
Академия наук СССР. Персональный состав. 1974. Книга 1, 1724-1917. Ред. Б.В. Левшин. Москва.
- Асадулаева, Г.Х. 2004. *Литературная критика В.С. Соловьева*. Дис. канд. филол. наук. Махачкала.
- Бабаева, Э.Г. 1978. *Лев Толстой и русская журналистика его эпохи*. Москва.
- Бердяев, Н.А. 1905. О новом русском идеализме. *Вопросы философии и психологии* 75, 683-724.
- Бобров, Е.А. 1895. Проф. Козлов А.А. Религия графа Л. Н. Толстого, его учение о жизни и любви. *Вопросы философии и психологии* 29, 503-508.
- 1897. *Этические воззрения графа А.Н. Толстого и философская их критика*. Юрьев.
- 1899-1902. *Философия в России. Материалы, исследования и заметки*. Вып. I-VI. Казань.
- 1900-1903. *Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки*. Т. 1-4. Казань.
- Булгаков, С.Н. 1903. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип. *Вопросы философии и психологии* 67, 826-863.
- 1993. Чехов как мыслитель. – Булгаков С.Н. *Сочинения*. В 2-х тт. Т. 2. Ред. И.Б. Роднянская. Москва, 136.
- Бычков, С.П. 1978. *А.Н. Толстой в оценке русской критики*. Москва.
- Введенский, А.И. 1893. О задачах современной философии. *Вопросы философии и психологии* 20, 125-157.
- Веселовский, А.Н. 1989. *Историческая поэтика*. Москва.
- Галахов, А.Д. 1880. *История русской словесности, древней и новой*. Изд. 2-ое, Том 2. Санкт-Петербург.
- 1887. *Русская хрестоматия*. В 2-х тт. Том 2. Санкт-Петербург.
- Гальцева, Р., И. Роднянская. 1991. Реальное дело художника. (Положительная эстетика Владимира Соловьева и взгляд на литературное творчество). – *В.С. Соловьев. Философия искусства и литературная критика*. Москва, 8-29.

¹⁹ О парадоксальности того факта, что русская религиозная философия, не отвечая современным научным стандартам, оказывается чрезвычайно востребованной в институциональном пространстве современных российских университетов, см.: Плотноков 2002.

- Грот, Н.Я. 1893. Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой. *Вопросы философии и психологии* 16, 129-154.
- 1889. О задачах журнала. *Вопросы философии и психологии* 1, V-XX.
- 1904. Философия как ветвь искусства. — Грот, Н.Я. *Философия и ее общие задачи*. Санкт-Петербург.
- Зеньковский, В.В. 1991. *История русской философии*. Ленинград.
- Козлов, А.А. 1888. *Религия графа А.Н. Толстого*. Санкт-Петербург.
- 1891. *Письма о книге графа А.Н. Толстого о жизни*. Москва.
- 1894. Анализ последнего произведения гр. Л.Н. Толстого: "Хозяин и работник". *Вопросы философии и психологии* 23, 318-330.
- 1895. *Религия графа А.Н. Толстого, его учение о жизни и любви*. Санкт-Петербург.
- Козлова, О.А. 2004. *Личность и творчество Льва Толстого в оценке демократической журналистики 70-80-х годов XIX века*. Дис. канд. филол. наук. Волгоград.
- Маслин, М.А. 2008. *История русской философии: Учебник для вузов*. Ред. М.А. Маслин 2-ое изд. Москва.
- Мочульский, К.В. 1936. *Владимир Соловьев. Жизнь и учение*. Париж. Цит. по электронной версии журнала: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/08.html>
- Николаев, П.А. 1975. Богатство и национальное своеобразие русской литературной науки второй половины XIX века. — *Академические школы русского литературоведения*. Ред. П.А. Николаев. Москва.
- N.N. [Оболенский] 1880. Опыт построения научно-философской религии. *Мысль* 7, 80-88; *Мысль* 8, 172-184; *Мысль* 10, 224-231; *Мысль* 11, 114-120. *Мысль* 12, 227-236.
- Оболенский, Л.Е. 1887. *А.Н.Толстой, его философские и нравственные идеи. Критический этюд*. 2 изд. Санкт-Петербург.
- Плотников, Н. 2002. Философия для внутреннего употребления. *Неприкосновенный запас* 2 (22), 34-45.
- Пустарнаков, В.Ф. 2003. *Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры*. Санкт-Петербург.
- Пыпин, А.Н. 1899. *История русской литературы*. В 4-х тт. Т. 4. Санкт-Петербург.
- Рейтблат, А.И. 2001. Как Пушкин вышел в гении: *Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи*. Москва.
- Розанов, В.В. 1894. *Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского*. Санкт-Петербург.
- Сальников, А.Н. 1906. *Русская литература после Гоголя: в биографиях и характеристиках: курс 8 класса гимназий и реальных училищ*. Санкт-Петербург.
- Сироткина, И. 2008. *Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века*. Москва.
- Соловьев, В.С. 1884. *Три речи в память Достоевского*. Москва.
- 1988. Исторические дела философии. *Вопросы философии* 8, 118-125.
- Фатющенко, В.И. 1990. Владимир Соловьев критик и публицист. — Соловьев, В.С. *Литературная критика*. Ред. Н.И. Цимбасв. Москва.
- Чиж, В.Ф. 1885. *Достоевский как психопатолог*. Москва.
- Шарль, К. 2005. *Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века*. Пер. с фр. под ред. С. Козлова. Москва.
- Эспань, М. 2006. Межкультурная история филологии. *Новое литературное обозрение* 82. Цит. по электронной версии журнала: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/est2.html>
- Ansel, M. 2003. *Pritz, Hettner und Haym. Hegelianische Literaturgeschichtsschreibung zwischen spekulativer Kunstdeutung und philologischer Quellenkritik*. Tübingen.
- Buhle, J.G. 1804. *Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Literatur derselben*. Achter Theil. Göttingen.
- Byford, A. 2007. *Literary scholarship in late imperial Russia: Rituals of academic institutionalization*. Oxford.

- DeBlasio, A. 2011 Writing the history of Russian philosophy. In: *Studies in East European Thought*. DOI: 10.1007/s11212-011-9145-z
- Eichhorn, J.G. 1796-1799. *Allgemeine Geschichte der Cultur und Literatur des neueren Europas*. 2 vols. Göttingen.
- Fohrmann, J. 1989 *Das Projekt der deutschen Literaturgeschichte: Entstehung und Scheitern einer nationalen Poesiegeschichtsschreibung zwischen Humanismus und Deutschem Kaiserreich*. Stuttgart.
- Franklin, C.E. 1992. *Institutionalizing English literature: The culture and politics of literary study, 1750-1900*. Stanford.
- Garber, K. 2000. Umriss der Frühen Neuzeit – oder: Elegische Besichtigung von großen Männern, größeren Werken und unabsehbaren Torsi. Das Berliner Modell der Mittleren Deutschen Literatur. In: Jungmayr, J. (Hrsg.). *Beiträge zur Tagung Kloster Zinna 29.9.-01.10.1997*. Amsterdam, 443- 469.
- Geldsetzer, L. 1968 *Philosophie der Philosophiegeschichte im 19. Jahrhundert*. Meisenheim/Glan.
- Hendahl, U.P. 1989. *Building a national literature. The case of Germany 1830-1870*. Ithaca.
- Kahn, S.J. 1953. *Science and aesthetic judgment: A study in Taine's critical method*. New York.
- Kusch, M. 1995. *Psychologism: Case study in the sociology of philosophical knowledge*. London.
- Lanoux, A. 2003. *Od narodu do kanonu: powstawanie kanonów polskiego i rosyjskiego romanizmu w latach 1815-1865*. Warszawa.
- Meves, U. 2011. *Deutsche Philologie an den preußischen Universitäten im 19. Jahrhundert. Dokumente zum Institutionalierungsprozess*. Hrsg. U. Meves. Berlin.
- Moeller-Sally, S. 2002. *Gogol's afterlife: The evolution of a literary classic in imperial and Soviet Russia*. Evanston, Illinois.
- Rod, E. 1891. *Les Idées morales du temps présent*. Paris.
- Rosenkranz, K. 1870. *Hegel als deutscher Nationalphilosoph*. Leipzig.
- Schrooyen, P.W. 2006. *Vladimir Solov'ev in the rising public sphere: A reconstruction and analysis of the concept of christian politics in the publiisistika of Vladimir Solov'ev*. PrintPatterners Ipskamp. <http://dare.ubn.kun.nl/bitstream/2066/29831/1/29831.pdf>
- Schwinges, R.C. 2001. Humboldt international. Der Export des deutschen Universitätsmodells. Eine Einführung. In: Schwinges, R.C. (Hrsg.). *Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert*. Basel, 1-17.

Санкт-Петербург
(mdemin@hse.spb.ru)

Максим Демин

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики